

СОВРЕМЕННЫЕ АНТОГОНИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭВТАНАЗИИ

В последнее время пристальное внимание мировой медицинской общественности, законодательной власти, парламентов, юристов, психологов и т.д. привлекает широко дискутируемая проблема об определении этического и правового поля эвтаназии (euthanasia, греч. Eu хорошо + thanatos смерть; син. легкая смерть эйтаназия)- намеренное ускорение наступления смерти неизлечимого больного с целью прекращения его страданий.

«Эвтаназией называется всякое действие, направленное на то, чтобы положить конец жизни той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию, и выполненное незаинтересованным лицом» (определение голландского законодательства).

Термин «эвтаназия» впервые употреблен Ф. Бейконом в XVII столетии для определения «легкой смерти», и с XIX века он стал означать «умертвить кого-либо из жалости». Здесь идет речь о преднамеренном убийстве с целью облегчить ненужные страдания. В таком случае, не существует более двусмысленного слова, чем «эвтаназия».

Термин «легкая смерть» использован Конгрегацией Вероучения в «Декларации об «эвтаназии» от 5 мая 1980 года. Текст Декларации предупреждает всякое субъективное определение и окончательно разъясняет смысл эвтаназии: «Под словом эвтаназия подразумевается всякое действие или, наоборот, бездействие, которое, по своей сути или намерению, приводит к смерти, имеющей целью устранение боли и страдания». То есть в ее прямом значении, эвтаназия-это преднамеренное убийство при помощи метода, провоцирующего наименьшие боль и страдания, совершенное «из жалости» для того, чтобы положить конец невыносимым страданиям, или для того, чтобы избежать трудностей жизни, которая считается «нечеловеческой», не достойной самого человека». [2] Сюда не входят самоубийство или смерть в результате обезболивающей терапии, если при этом напрямую не ищут смерти [1]

Терминологическую неразбериху нарочно спровоцировали сторонники эвтаназии различного рода заявлениями о том, что нужно понимать под этим термином, ставя на одном и том же уровне понятия «дать умереть» (негативная, или пассивная эвтаназия) и «помочь умереть» (активная, или настоящая эвтаназия). Это смешение не является безобидным; оно поддерживается преднамеренно для того, чтобы привести врачей и общественное мнение к ложной дилемме [4]:

- или вы гуманны и способны сочувствовать ближнему - а значит, должны перешагнуть через недозволенное (причинить смерть);
- или вы ставите абстрактные догмы выше простого человеческого сочувствия – а значит, не остановитесь даже перед тем, чтобы продлить эти бессмысленные страдания, которых не вынесли бы и вы сами.

Конечно, средства массовой информации тщательно поддерживали эту сомнительную двусмысленность. Открытое обсуждение проблемы эвтаназии началось несколько позже – по сравнению с проблемой аборта – но, тем не менее, уже привело к освобождению от всякой юридической ответственности того, кто провоцирует «легкую смерть». Она была узаконена инструкцией от 14 апреля 1994 года, принятой Голландским парламентом. Его примеру последовали некоторые другие законодательные органы различных стран: Соединенных Штатов Америки (в частности, штата Орегон в 1994 г.), Северной провинции Австралии (25.05.1995), Швейцарии. Известный врач Jack Kevoorkian из США открыто признал, что, начиная с 1991 года, помог умереть более чем 50 больным, и при этом никогда не привлекался к уголовной ответственности.

Об эвтаназии речь идет лишь тогда, когда мы имеем дело с преднамеренным убийством. В одном случае отнимается жизнь у безнадежно, смертельно больного лица – для того, чтобы избавить от лишних страданий, – либо при помощи прямого вмешательства (напр., инъекции барбитуратов), либо, «оставив его умирать», перестав кормить больного. В другом случае лишается жизни новорожденный ребенок с тяжелыми физическими недостатками, когда его прямо убивают или обрекают на верную смерть, прекращая подачу питания и основного

лечения лишь для того, чтобы не причинять новой боли его родителям. Значит, эвтаназия сама по себе ставится на уровень намерений;

- об эвтаназии говорится лишь тогда, когда есть намерение положить конец жизни данного лица или ускорить его смерть;

- об эвтаназии не идет речь, когда стараются облегчить страдания какого-либо лица, находящегося в последней стадии тяжелой болезни, назначая ему медикаменты, которые лишь непрямым образом могут ускорить физиологический процесс умирания. В этом случае не ставят перед собой цели «помочь умереть» пациенту, но пытаются уменьшить его боль при помощи препаратов, которые лишь в качестве побочного эффекта способны ускорить приближение конца. Смерть здесь не провоцируется преднамеренно, прямым образом, но является возможным последствием обезболивающей терапии.

Эвтаназию можно поставить в ряд различных медицинских методов:

- эвтаназия присутствует в том случае, когда употребляется препарат, вызывающий смерть, а также, если больного лишают всего того, что ему необходимо для жизни (еда), или всего того, что для него благотворно (реанимация, которая позволила бы ему прийти в себя и самостоятельно поддерживать жизнь, или такое лечение, которое способно дать шанс на продолжение жизни в нормальных условиях);

- эвтаназии нет в случае, когда прекращается или упускается такое лечение, которое имело бы неблагоприятное влияние на больного (напр., лечение, которое лишь продлило бы саму жизнь в нечеловеческих условиях, не облегчив состояния пациента);

- эвтаназии нет в случае прекращения реанимации, когда состояние церебральной смерти является необратимым (всякое лечение не дает уже никакого результата, не облегчает страданий, не дает никакого шанса на дальнейшее выздоровление, а только продолжает время агонии и, кроме того, приносит невыносимые страдания семье и несоразмерные расходы государству);

- эвтаназии нет в случае нерезанимации плохо сформированного новорожденного ребенка, или в тяжелом патологическом случае, если он естественным образом ведет к смерти (когда лишь искусственно можно продолжить жизнь, без надежды на улучшение и на возникновение способности к самостоятельному существованию);

- эвтаназии нет, если «дают спокойно умереть» больному смертельной болезнью, которая естественным образом приводит к смертельному исходу в краткий срок – в случае, когда всякая терапия позволила бы лишь на короткое время продлить жизнь в невыносимых условиях.

В порядке дискуссии между апологетами эвтаназии и их оппонентами принимаются во внимание различные аспекты [3]:

- относительность понятия неизлечимости
- двусмысленность «жалости»
- опасность «поскользнуться» на юридическом уровне
- существует ли «право на смерть»?

Когда можно с уверенностью говорить, что больной является неизлечимым? Широко известно, насколько велика возможность ошибки, когда врачи строят свои прогнозы. К тому же понятие неизлечимости в большой степени зависит от средств и возможностей, имеющихся в данный момент их распоряжении. В действительности, большая часть врачей остаются верными клятве Гиппократова и предпочитают действовать в качестве профессионалов, а не «сочувствующих». Это наблюдается и в Голландии, где некоторые врачи даже специализируются на эвтаназии, в то время как другие отказываются прибегать к ней. Двусмысленность понятия «жалости» заключается как раз в том, можно ли отказать в таком акте милосердия? В действительности, даже некоторые убежденные сторонники эвтаназии считали своим долгом укоротить страдания ближнего. Но эта жалость уже сама по себе является двусмысленной: конечно, часто сама боль является невыносимой, но нередко она бывает еще более невыносимой для тех, кто находится рядом с больным. «Избавляя» больного от боли, они часто избавляют от страданий самих себя. Действительно ли соблюдается в таком случае свобода выбора больного? На крик о помощи отвечают смертельным ударом. Причинить смерть означает избавить, прежде всего, самого себя от необходимости услышать этот зов, поскольку за словами «убей меня» кроется мольба: «Раздели мою боль и помоги мне!» Чисто по-человечески всегда труднее «сопровождать» больного в его страданиях, чем уничтожить его [5]

Если существует право на жизнь, можно ли заключить из этого и возможность такого понятия, как «право на смерть»? Это было бы внутренним противоречием для законодателя, чьим основным принципом является защита жизни. Акцент все-таки ставится на жизнь: это жизнь нужно защищать, а не смерть. Если кто-то может считать просьбу помочь покончить с жизнью морально оправданной (крик о помощи того, кто молит положить конец его страданиям), то легальным это может признать лишь закон, отрицающий сам себя. Нельзя определить отдельные исключения из правила об охране жизни, если разрушается само основание этого правила.

Все вышесказанное о законном и незаконном является совершенно правильным, но недостаточным в современном споре об эвтаназии. Настоящим ответом сторонникам эвтаназии является поддержка умирающего больного и помощь ему, сопровождение его в эти последние моменты жизни. Это настоящий человеческий ответ, пред которым умолкают всякие возражения, если нет намерения высмеять саму любовь, терпеливость, профессионализм тех, кто посвятил себя этому служению умирающим, или, точнее, сопровождению живых на их пути к смерти: «сопровождать жизнь до самой смерти», ибо любой житель планеты Земля имеет право на достойную смерть.

Литература:

1. Амосов Н.М. Раздумья о здоровье /Н.М. Амосов. – Киев: Здоровье, 2000. – 268 с.
2. Вересаев В.В. Гоголь в жизни (систематический свод подлинных свидетельств современников). – Соч. в 4-х Т. 4. - М.: Правда, 1990. – С. 473-508.
3. Недик А.Г. Этические аспекты клонирования человека/ А.Г. Недик // Здоровье и образование в XXI веке: материалы четвертой международной науч-практ. конф. - М.: РУДН, 2003. - С. 436.
4. Сергеев Ю.А. Врачебная ответственность в современном правовом поле / Ю.А. Сергеев. - Минск, 2004. - 186с.
5. Brand M., Bruckmann J., Hennemann J. Fraubles somatiques, iatrogeniesen eutanasie. Ann. med. - psychol. 2006; 142: 1102-1108.